

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(9), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Проданик Н. В. Метафора «книга — спутник» и отечественный литературный процесс XII—XX веков : генезис и семантический спектр библиофеномена / Н. В. Проданик // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 9. — С. 325—341. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-9-325-341.

Prodanik, N. V. (2025). Emergence and Consolidation of “Book as Companion” Metaphor in Russian Literature from Twelfth to Twentieth Century. *Nauchnyi dialog*, 14 (9): 325-341. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-9-325-341. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

НАУЧНАЯ УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Метафора «книга — спутник» и отечественный литературный процесс XII—XX веков: генезис и семантический спектр библиофеномена

Проданик Надежда Владимировна

orcid.org/0000-0003-1871-328X

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра литературы и культурологии
omsk.nadezhda@mail.ru

Омский государственный
педагогический университет
(Омск, Россия)

Благодарности:

Статья выполнена в рамках работы
научной лаборатории
«Региональная литература
в контексте историко-культурных
традиций XIX—XXI веков»

Emergence and Consolidation of “Book as Companion” Metaphor in Russian Literature from Twelfth to Twentieth Century

Nadezhda V. Prodanik

orcid.org/0000-0003-1871-328X

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Literature and Cultural
Studies omsk.nadezhda@mail.ru

Omsk State
Pedagogical University
(Omsk, Russia)

Acknowledgments:

The article was carried
out within the framework
of the scientific laboratory
“Regional literature in the context
of historical and cultural traditions
of the XIX—XXI centuries”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Реконструируется процесс появления и закрепления метафоры «книга — спутник» в отечественном литературном процессе XII—XX веков, проведено исследование ее семантического спектра. Источниками выступили литературные тексты, письма, литературно-критические статьи, мемуарные заметки. Установлено, что отсутствие этой метафоры в древнерусской литературе обусловлено свойственным этой эпохе религиозным типом отношения к тексту как к духовной пище и учителю-наставнику, а не попутчику в земной жизни. Сообщается, что невозможно встретить анализируемую библиометафору и в начале века Просвещения, поскольку тогда экстенсивный характер чтения способствовал расширению круга чтения и приводил к быстрой замене одного текста другим. Временем появления метафоры «книга — спутник» в России предлагается считать декабристскую эпоху. Сообщается, что первые упоминания о книге-спутнике присутствуют в письмах А. Ф. Бригена, Г. С. Батенькова из сибирской ссылки, А. А. Бестужева-Марлинского, переведенного из Сибири на Кавказ. Примеры с положительной коннотацией обнаружены в письмах А. Ф. Бригена: он определяет книгу «дорогим, верным спутником» своей одинокой сибирской жизни. Установлено, что отрицательная (астрономическая) семантика заметна в строках А. А. Бестужева-Марлинского о неоригинальных текстах — «прочих спутниках при звезде-предтече». Показано, что в XX веке семантический спектр библиометафоры расширяется.

Ключевые слова:

библиометафорика; метафора КНИГА есть СПУТНИК; русская литература; декабристы в Сибири; чтение книг.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study reconstructs the process of the emergence and establishment of the metaphor “book as companion” within the context of Russian literary development from the twelfth to the twentieth century, exploring its semantic spectrum. The analysis draws on a variety of sources, including literary texts, letters, literary-critical articles, and memoirs. It is established that the absence of this metaphor in early Russian literature can be attributed to the religious worldview of the time, which regarded texts as spiritual sustenance and guiding mentors rather than companions in earthly life. Furthermore, it is noted that this bibliometaphor is also absent at the dawn of the Enlightenment, as the extensive nature of reading during this period fostered a rapid exchange of texts, leaving little room for the notion of a book as a steadfast companion. The emergence of the “book as companion” metaphor in Russia is proposed to coincide with the Decembrist era. Early references to this concept are found in letters from A. F. Brigen, G. S. Batenkov during their Siberian exile, and A. A. Bestuzhev-Marlinsky, who was relocated from Siberia to the Caucasus. Positive connotations of this metaphor are illustrated through Brigen’s characterization of books as “dear, faithful companions” in his solitary Siberian existence. Conversely, a negative (astronomical) connotation is evident in Bestuzhev-Marlinsky’s remarks on non-original texts, referring to them as “other companions alongside the guiding star.” The study demonstrates that in the twentieth century, the semantic spectrum of the bibliometaphor expands significantly.

Key words:

bibliometaphor; book as companion; Russian literature; Decembrists in Siberia; reading practices.

УДК 821.161.1:028.01+81'373.612.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-9-325-341

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Метафора «книга — спутник» и отечественный литературный процесс XII—XX веков: генезис и семантический спектр библиофеномена

© Проданик Н. В., 2025

1. Введение = Introduction

В отечественной культуре XX века метафора «книга — спутник» стала весьма популярной. Говоря о таком библиофеномене, Д. Гранин утверждал, что спутником можно назвать только значимые в жизни человека книги, которые не просто читают, а перечитывают, — книги «<...> не однократно, а *многолетние спутники* <...> Этот круг чтения составляется годами, вне школьных программ, составляется в недрах семьи, среди друзей...» (здесь и далее курсив в цитатах наш. — Н. П.) [Цит по: Человек читающий ..., 1990, с. 86]. Семантика постоянного, верного, неизменного книжного попутчика отчетливо проявлена в эпитетах, которые употребляет писатель и библиофил В. Лидин. Тексты классиков он называет «*вечными спутниками*»; книги современников «*надежными спутниками*», «*непрерывными спутниками* каждого просвещенного человека» [Лидин, 1962, с. 189—190].

При всей кажущейся простоте лексемы *спутник* ее семантика многоаспектна. В лексему заложены аксиологическая градация (в словаре В. Даля даны примеры — «плохая» или «добрая спутница» [Даль, 1866, с. 248]), фактор выбора одного субъекта среди прочих («спутница / спутник жизни»), аспекты кратковременности или длительности сопутствия («полпути сопутья» или «быть товарищем в жизни») [Даль, 1866, с. 248]. Такие значения слова спутник, как «товарищ в дороге, попутчик», «сопутствующий в жизни», были зафиксированы в словарях по отношению к этому слову еще в XI—XIII веках [Брагина, 1966, с. 88].

В начале XIX века отечественные словари стали отмечать третье значение — из астрономической сферы [Брагина, 1966, с. 88]. В XX веке, в эпоху освоения космоса, у слова *спутник* астрономическая семантика становится наиболее востребованной, и, соответственно, у метафоры «книга — спутник» появляются астрономические проекции смысла. Лю-

бопытный пример астрономической библиометафоры дает В. Набоков, с ее помощью он объясняет автономность рассказа «Круг» по отношению к целому — роману, частью которого рассказ задумывался: «К середине 1936 года, незадолго перед тем, как ... во Франции закончить “Дар”, я написал ... четыре пятых последней его главы, когда от основной массы романа отделился *маленький спутник* и стал вокруг него вращаться...» [Набоков, 2006, с. 820]. Апеллируя к астрономической семантике, В. Лидин в своих литературно-критических очерках называет одни книги вечными, «*никогда не стареющими спутниками ... читателей*», о других же говорит как о *кратковременных спутниках*, прочерчивающих «*свой след в звездном небе литературы*». Литературоведы-«астрономы», настаивает Лидин, «с одинаковым вниманием относятся и к крупным светилам, и к звездам третьей или пятой величины, ибо без звездной осыпи не было бы и звездного мира...» [Лидин, 1962, с. 26]. Как демонстрируют приведенные выше примеры, к середине XX века метафора «книга — спутник» стала чрезвычайно популярной. Встретить ее можно в текстах самой разной тематики и жанровой природы во всех перечисленных значениях: постоянный спутник или временный, необходимый только для досуга; самостоятельный библиофеномен или вторичный, более мелкий по сравнению с крупными «светилами» литературного небосклона.

Появляется метафора «книга — спутник» и в текстах научных работ, демонстрируя различия современного метафорического языка и языка отечественной литературы конца XVIII — начала XIX веков. Поясним сказанное: библиометафору «книга — спутник» можно встретить в тексте исследователя, но не в исследуемом художественном произведении. Например, в статье Н. Д. Кочетковой, посвященной герою сентиментализма, сказано, что для героя книга «становится *излюбленным спутником* в одинокой прогулке» [Кочеткова, 1983, с. 123]. За примером литературовед обращается к этюду Н. М. Карамзина «Деревня», приводя строки из него: «Нахожу Томсона — иду с ним в рощу и читаю — кладу книгу подле малинового кусточка, погружаюсь в задумчивость. Потом снова берусь за книгу ...» [Цит. по: Кочеткова, 1983, с. 124]. Затем ученый поясняет, что цикл стихотворений Дж. Томсона предстает «*спутником* героя во время прогулки» [Там же]. При сравнении текста Карамзина с его аналитическим толкованием отметим существенную разницу: сам Карамзин ни разу не называет книгу Томсона спутником. Перед нами не единственный случай метафорического или метонимического осмысления роли книги в судьбе автора и персонажа. Сошлемся на сходную ситуацию в работе Д. Д. Благого, который говорит о книгах Торквато Тассо и о нем самом как о «литературных спутниках» Батюшкова [Цит. по: Батюшков, 1964, с. 701]. Сам же К. Н. Ба-

тышковых считает произведения Тассо образцом для себя и не именуется так великого поэта, русский поэт почтительно говорит о своем предшественнике: «Позволь, священна тень! безвестному Певцу / Коснуться к твоему бессмертному венцу...» [Батюшков, 1964, с. 213].

Рассматривая подобные примеры, мы не стремимся указать на исследовательскую ошибку; ученые акцентируют верные смыслы, но литературный материал ставит перед нами вопрос: почему поэты и писатели XVIII—XIX веков, столь внимательные к поэтическому слогу, сами игнорируют данный троп? Поиск метафоры «книга — спутник / сопутник» в русской художественной литературе, в мемуаристике и эпистолярных конца XVIII — первых двух десятилетий XIX веков дал неожиданный результат: в поэтическом словаре этого времени троп практически отсутствует. Нам не удалось разыскать его в наследии А. Кантемира, Г. Державина, А. Пушкина, В. Жуковского, К. Батюшкова, П. Вяземского и список имен можно продолжать... Не дали плодов и поиски лексемы *спутник / сопутник*, употребленной по отношению к книге, в известных словарях (например, в «Словаре языка Пушкина» [Словарь языка Пушкина ..., 2000, с. 303]).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель предпринятого исследования состоит в том, чтобы выявить причины отсутствия метафоры «книга — спутник» в древнерусской культуре, определить условия зарождения соответствующей библиометафоры в российской культуре конца XVIII — начале XIX века, обнаружив момент возникновения словесной метафорической формулы «книга — спутник» и осмыслив условия, вызвавшие ее рождение в отечественном литературном процессе.

Методология нашего исследования имеет синтетический характер, в ней сочетаются историко-культурный и культурологический подходы: в поле зрения оказываются несколько периодов российской культуры. Реконструируя факты культуры и ее ценностные установки, запечатленные в ведущих библиометафорах эпохи, мы проясняем причины отсутствия метафоры «книга — спутник». Необходимо не только обнаружить примеры текстовой реализации искомой метафоры, но и проанализировать факторы, способствовавшие её актуализации на новом этапе культуры и в новом пространстве — в эпоху, когда декабристы, оказавшись в условиях сибирской ссылки, обратились к этой метафоре как значимой в обстоятельствах изоляции от общества. В области историко-культурного и культурологического анализа оказались актуальными суждения Ю. М. Лотмана и А. А. Асояна о необходимости дешифровки культурного кода [Лотман, 2002, с. 56—63], в роли которого выступает метафора, и учета целостной картины мира культурной эпохи для прояснения литературного факта [Асоян, 2006, с. 25].

Нами были проанализированы читательские метафоры-реакции, зафиксированные в эпистолярных и мемуарных заметках.

Кроме того, в статье предпринята попытка определить семантические акценты авторских метафор и классифицировать их значения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Библиометафорика древнерусской литературы

При обращении к истокам отечественной словесности становится очевидным отсутствие библиометафорического образа «книга — спутник» в корпусе древнерусских текстов: религиозный дух эпохи требовал иных смыслов. Метафорический комплекс, актуальный для того периода, описывающий природу писательского вдохновения, книгу и процесс ее чтения, был обусловлен библейскими сюжетами божественного Откровения и духовного Окормления Богом-отцом чад своих, поэтому одна из основных книжных метафор — «книга — пища».

Образ «питающей книги», дарованной человеку Богом, находим в текстах Ветхого и Нового Заветов. К примеру, пророк Иезекииль, повинувшись велению Господа, вкушает книжный свиток: «...И увидел я, и вот, рука простерта ко мне, и вот, в ней — книжный свиток. <... > Тогда я открыл уста мои, и Он дал мне съесть этот свиток; и сказал мне: “сын человеческий! напитай чрево твоё и наполни внутренность твою этим свитком, который Я даю тебе”. И я съел, и было в устах моих сладко, как мед» (Иез. 2:10; 3: 2—3). В Откровении Иоанна Богослова книга, полученная от Ангела, оказывается «сладка, как мед», но при ее поглощении «горько стало во чреве» (Откр. 10: 8—10). Вкушение книги, как поясняет С. С. Аверинцев, является «символом посвящения в трансцендентную тайну» [Аверинцев, 2004, с. 208].

Сакральная тайна и творческий импульс писца оказываются связанными: вдохновение, которое нисходит с небес, предстает «питательным», оно наполняет писательские уста, а затем и уста читателя. В Житии Авраамия Смоленского святость Авраамия подчеркнута отношением к книге: «...он кормился словом Божиим, как трудолюбивая пчела, облетающая все цветы и приносящая и готовящая себе сладкую пищу...» [Житие, 1997, с. 33]. С гастрономической метафорикой был связан и другой троп: книжное знание — «сокровище вечной жизни». Эту метафору находим в «Притче о человеческой душе и теле» К. Туровского: «... Ибо сладко — медвяный сот, и хорошо — сахар, обоих же лучше книжное знание: потому что оно — сокровище вечной жизни...» [Слова и поучения ..., 1997]. Отсутствие метафоры «книга — спутник» в древнерусской культуре объясняется установкой литературы на дидактизм, прямо выраженной, например, в жанре «Почучений»:

для брэннаго телом чытацеля вечная кніга была не спутнікам, а паведавателем — образцом і учителем. Как точно на этот счет писал Б. А. Успенский, Библия в древнерусской культуре «...служила моделью восприятия мира, она задавала парадигму его прочтения: соотнесение с библейскими событиями определяло вообще достоверность, подлинность происходившего» [Успенский, 2000, с. 5]. Богопознание и духовное взросление через приобщение к книжной культуре осознавались как ориентир, как цель и итог пути, а не как помощь спутника, находящегося рядом.

Если библиометафора «книга — спутник» — позднее явление в русской литературе, то перенос «книга — пища», напротив, — явление раннее, и эта метафора частотно находила воплощение в текстах. Возникновение и становление в древнерусской литературе гастрономической библиометафоры объясняется воздействием античной и византийской традиций на отечественную культуру [Аверинцев, 2004, с. 202—208]. Затем в произведениях русской словесности XIX века происходит расширение семантического спектра метафоры «книга — пища», десакрализация метафорических значений [Проданик, 2013, с. 163—165; Проданик, 2019, с. 62—72; Пяткин и др., 2022, с. 249—266].

3.2. Библиометафорика эпохи Просвещения: генетический импульс для зарождения метафоры «книга — спутник»

Как говорилось выше, словари зафиксировали новое значение у слова *спутник* в начале XIX века, но временем переноса лексики *спутник* в ее астрономическом значении из европейской культуры в русскую стала эпоха Просвещения [Веселитский, 1974, с. 24—26]. Деятельное начало в этом принадлежит Антиоху Кантемиру, написавшему «Разговоры о множестве миров» (1730): он осуществил перевод на русский язык книги Фонтенеля, используя в ней характерную для того времени научно-литературную лексику. В числе прочего поэт говорил о спутниках-сателлитах Юпитера: «Юпітеръ съ своими четьрьмя Лунами или Сателлитами ...» [Кантемир, 1730, с. 114]. Во второй половине XVIII века «...в русском литературном и научном употреблении утверждается слово *спутник*... Слово *сателлит* сохраняется у нас только в ином смысле — “приспешник, сообщник”» [Веселитский, 1974, с. 26]. При всем том, что семантическое поле слова *спутник* расширилось (теперь становилось возможным использовать его в контексте не только геосемантики — ‘спутник на жизненном пути’, но и астрономической семантики), интересующая нас вариация библиометафоры занимает весьма маргинальное положение в системе репрезентаций эпохи Просвещения, демонстрируя тем самым, что данный период не отличался продуктивностью в создании подобных символических конструкций. Метафору «книга — спутник» не удалось найти в произведениях

Г. Державина, А. Кантемира, А. Сумарокова, и объяснением тому вновь является характер культурный контекст.

Если в древнерусской книжности был значим феномен книги как духовного пастыря, потому в метафоре «книга — пища» акцентировался религиозный аспект духовного окормления Богом-отцом чад своих, «поедания» книги как приобщения к сакральной тайне, то с утверждением светской литературы произошел культурный реверс. В эпоху Просвещения автор предстал отцом-наставником, книга — неразумным младенцем, зараженным «болезнями» века — стремлением к славе и широкому кругу читателей. А. Кантемир в обращении к книге придал ей черты «блудного сына», захотевшего «воли»:

...Ненавидишь ты замок и печати, кои
Смирным приятны детям. Скучаешь немногим
Быть показана, и над всем площадь почитаешь.
Не к таким воспитана от меня ты нравам;
Ин пойди, беги, куды тянет тебя воля, —
Выпущенной, уж тебе возврату не будет...

(А. Кантемир. «Письмо XX. К своей книге») [Кантемир, 1956, с. 217].

«Воля», к которой стремится книга, быстро приведет ее к забвению: перестав быть новинкой, она всеми будет забыта. Очевидно, что такое произведение не могло быть спутником читателя, который слишком быстро переходил от одного текста к другому. Мода на экстенсивное чтение привела к «нечтению». Недаром в сатирических текстах возник образ книгонакопителя: «Бомбаст на всякий день книг по сту покупает, / Чтоб тем о знании своем уверить свет. / Он не обманет нас: он ничего не знает; / Не любит книг совсем, но любит переплет» (1761) [Нартов, 1975, с. 94]. Для «бомбаста» книги оказались только модным увлечением. Настоящий же читатель был требователен к текстам, поскольку во время петровских преобразований, а затем в екатерининскую эпоху он собирал личную библиотеку, ставшую важным элементом столичной культуры и усадьбы жизни [Пирогова, 2018, с. 43].

Книги менялись, но тяга к чтению была неизменной, именно в эпистолярном тексте той эпохи нам все-таки удалось найти метафору, близкую разыскиваемой. Ее автор — русский библиофил, поэт, государственный деятель Михаил Никитич Муравьев. В письме сестре он перечисляет качества, необходимые для душевного спокойствия и для избавления от скуки: «Добродетельность, дружество, чувствования природы и родства, чувствования не менее драгоценные дружбы, *чтение, приближающее души...* — вот *спутники спокойствия*» и веселия человеческого [Письма, 1980, с. 329]. Для человека эпохи Просвещения книга была постоянным

попутчиком; немало тому способствовали изменения, произошедшие в типографском деле со времен Петра I: сильно уменьшился размер изданий, теперь их «кармане мочно носить» [Цит по: Быкова, 1959, с. 237—238]. В XVIII веке дворянин не расставался с книгой ни дома, ни в дороге, ни в саду... Читал М. Н. Муравьев много, в письме отцу он восклицал: «...я набрал столько книг, что я счет потерял...» [Письма, 1980, с. 261]. Любовь к чтению Муравьев-отец передаст сыновьям, в том числе идеологу декабристского движения — Никите Михайловичу Муравьеву.

3.3. Появление метафоры «книга — спутник» в эпистолярных и воспоминаниях декабристов; семантический диапазон метафоры

Новое восприятие книги — как спутника — сложилось в среде декабристов. После декабря 1825 года, в новых условиях жизни, когда читатель оказался оторван от дворянской культуры, от родной библиотеки, для него возросла ценность отдельной книги: из всего собрания выделились особо важные. Так, Александр Федорович Бриген, уже находясь на поселении в Кургане в 1846 году, просил старшую дочь: «...как можно быстрее побывать в моей библиотеке, поклониться ей и испросить разрешения похитить с ее полок два тома Саллюстия...» [Бриген, 1986, с. 215]. Находясь в Пелыме, Бриген ожидал книг с нетерпением, о своем желании получить издание Пьера Бейля, французского атеиста и философа-скептика, он эмоционально писал: «...готовлюсь принять ...господина Бейля ... приглашенного мною ... разделить мое одиночество. Это очаровательный спутник, который поможет мне ... забывать, что я живу в столице медведей и волков» [Там же, с. 100]. В этой метонимии акцентированы семантика ожидания ценной книги и избавления от одиночества, погружение в сладкое забытие, возможно, прошлой столичной жизни, но точно жизни, далекой от диких, нецивилизованных сибирских мест. Бейль как «очаровательный спутник» помогал А. Бригену «заполнять время» (в противовес «пустоте скуки», о которой говорил декабрист своим дочерям [Там же, с. 124]), даже забывать о недугах.

Сетуя на самочувствие, Бриген писал детям: «...Я не мог обуть большую ногу и был вынужден оставаться дома... *Книги, мои дорогие и верные спутники*, не покинули меня в моем затворничестве...» [Там же, с. 237]. В эпистолярной Александры Бригена обозначился новый метафорический акцент: для него книга — это спутник и товарищ, но не в дороге или странствии, а в затворнической, одинокой жизни, спасение в пространстве, далеко от столиц, культуры и личных библиотек. Действительно, произведения (из них большая часть — тексты философские) помогали декабристу сохранить оптимизм, культуру размышления и ясность рассудка.

Невозможно с полной уверенностью утверждать, что Александр Бриген первый использовал библиометафору «книга — спутник», потому что

его письма изначально написаны на французском языке. Вескими аргументами в пользу употребления декабристом исследуемой метафоры и, соответственно, верного выбора переводчиком слова *спутник* могут быть сразу несколько обстоятельств. Во-первых, в обстоятельствах сибирской ссылки, несомненно, повышалась ценность книги и необходимость ее постоянного соприсутствия (как полусутоливо говорил сам Бриген, «книги не покинули меня в моем затворничестве...») [Бриген, 1986, с. 237]). Во-вторых, каким бы странным ни показался этот аргумент, косвенным свидетельством служит продолжающаяся даже в Сибири переписка Бригена с В. А. Жуковским. В 1845 году Александр Федорович Бриген перешлет письмо Жуковского в качестве свадебного подарка своей дочери, настолько близко было декабристу мировоззрение поэта. А между тем В. А. Жуковский — один из немногих авторов начала века, часто обращающихся к лексеме *спутник*.

Напомним, герой эпохи романтизма настаивает на собственной уникальности, соответственно, на жизненном пути он оказывается одинок; эту черту романтического бытия фиксируют лингвистические справочники. Как свидетельствует поиск по лемме в электронном «Национальном корпусе русского языка», в начале XIX века *спутник* — редко встречающееся слово [НКРЯ]. Рост частотности словоупотреблений данной языковой единицы фиксируется только в XX веке, когда в культуре и социуме обозначается тяга к знаниям о космических открытиях. И все же наперекор мировоззренческим установкам романтической эпохи, тяготеющей к одиночеству, в поэтическом языке В. А. Жуковского лексема *спутник* частая и приметная: «земной спутник, друг» [Жуковский, 1999, с. 297] подчеркивает, что поэту свойствен витальный оптимизм, что лирический герой не страдает от одиночества. Сошлемся и на известное стихотворение В. А. Жуковского «Воспоминание», начинающееся строками: «О милых спутниках, которые наш свет / Своим сопутствием для нас животворили...» [Жуковский, 1956, с. 251]. В художественном мире этого произведения сама смерть не способна лишить героя светлых воспоминаний. Аксиологическое измерение метафорического языка Жуковского демонстрирует устойчивую систему жизненных ценностей. Спутниками в стихотворениях оказываются любовь, надежда, терпенье, вера: «...спутники грядущих дней — / Любовь, надежда и терпенье» [Жуковский, 1999, с. 683].

В этот список Александр Федорович Бриген внес поправку: для него несомненной ценностью еще до декабрьского восстания, кроме людей и нравственных качеств, стали книги. В 1816 году, выбирая между возможностью посетить Эрмитаж или увидеть библиотеку товарища — А. М. Михайловского-Данилевского, получившего образование в Геттингене, Бриген выбирает второе. Он пишет другу: «У меня к вам просьба разрешить мне

посмотреть вашу библиотеку... Что касается Эрмитажа, то мы можем пойти посмотреть его в другой раз. Я ограничусь главным...» [Бриген, 1986, с. 73].

К библиометафоре, схожей с исследуемой нами, обращается и другой декабрист — Г. Батеньков. Уже в 1850 году из Томска он писал своей доброй знакомой А. П. Елагиной о том, что зимнее путешествие по Байкалу в начале 1820-х годов он осуществил «...в *сопутствии* Геденштрома» [Батеньков, 1989, с. 269]. Книга Матвея Геденштрома, полярного исследователя, была посвящена Сибири, отрывки о суровой северной природе «аккомпанировали» зимнему байкальскому путешествию Г. Батенькова. Как говорил сам Батеньков, Геденштром «...умел показать поэзию в такой природе...» [Батеньков, 1989, с. 269]. Иначе говоря, «книга — спутник» придавала путешествию по северному краю возвышенный характер — черты поэтического странствия.

Стоит вспомнить похожую ситуацию в очерке Н. М. Карамзина «Деревня» (1791). Здесь мерцает сразу несколько метафорических значений (без их словесного выражения в тексте): во-первых, «книга — спутник» («Нахожу Томсона — иду съ нимъ въ рощу, и читаю...» [Карамзин, 1834, с. 107]); во-вторых, «книга-учитель, проводник в мир эмоций, эстетический образец» для мыслей, чувств и даже естественно-научных интенций рассказчика. При этом явно доминирует второе метафорическое значение: в очерке «Деревня», как и в карамзинском очерке «Прогулка», переложении фрагмента поэмы Дж. Томсона для «Детского чтения», сказано, что рассказчик «ботанизирует», «*какъ* маленькой Коммерсонъ...» [Карамзин, 1834, с. 108]; мечты его могут «*уподобляться*» «...мечтамъ Омировымъ и Оссіановымъ...» [Карамзин, 1789, с. 167].

Идущая от сентиментализма традиция — находить образец своим чувствам и мыслям в книге, видеть в книге «соучастника ... собственных переживаний» [Кочеткова, 1983, с. 124] — будет затем переосмыслена в произведениях романтизма и реализма. К примеру, акцент на метафорическом значении «книга — учитель, эстетический образец» (в ущерб едва намеченной метафоре «книга — спутник»), на наш взгляд, сделан и в пушкинских строках — «Воображаясь героиней / Своих возлюбленных творцов, / Клари-сой, Юлией, Дельфиной, / Татьяна в тишине лесов / Одна с опасной книгой бродит, / Она в ней ищет и находит / Свой тайный жар, свои мечты, / Плоды сердечной полноты, / Вздыхает и, себе присвоя / Чужой восторг, чужую грусть, / в забвенье шепчет наизусть / Письмо для милого героя...» [Пушкин, 1978, с. 52]. Для Татьяны романы — не столько спутники долгих прогулок, сколько душевные сотоварищи, учителя и ... опасные обольстители («...одна с *опасной* книгой бродит...»). В набросках к первой главе романа Пушкин нюансирует мысль, важную для современника: «Нас пыл сердеч-

ный рано мучит. / Очаровательный обман, / Любви нас не природа учит, / А Сталь или Шатобриан. / Мы алчем жизнь узнать заранее, / Мы узнаем ее в романе, / Мы все узнали, между тем / Не насладились мы ничем...» [Пушкин, 1978, с. 428]. Сопровождая человека, раскрывая ему любовные сюжеты, представляя чувственный опыт, книга-учитель в начале XIX века, образно говоря, не сопутствует становлению героя, а сбивает его с жизненного пути: уводит в литературный мир иллюзий, учит подменять трепетное естественное чувство — искусственной эстетической оболочкой.

Обращаясь к спектру метафорической семантики вне ее лексического выражения, то есть без прямой номинации (*книга* — *спутник*), мы входим в новую область исследования. Думается, что активные процессы порождения смыслов, сначала представленные как «ростки» метафорических значений, затем, вызрев, привели к оформлению лексического облика метафоры «книга — спутник». Контексты, не содержащие прямых обозначений метафоры, то есть отсылающие к ней опосредованно, требуют отдельного исследования и оказываются сопряженными с интерпретационными рисками, поскольку многое может остаться в зоне гипотетического, в поле субъективных суждений.

Вернемся к более доказательному материалу — словесно выраженной метафоре, поскольку в этом мы объявили цель статьи. Среди тех, кто не только конструировал положительную семантику метафоры «книга / автор — спутник», но и разрабатывал семантику отрицательную, были декабристы. Например, А. А. Бестужев-Марлинский посредством слова *спутники* вводит неодобрительную оценку вторичности, несамостоятельности одних произведений в сравнении с другими, имеющими абсолютную художественную ценность. В письме К. А. Полевому от 23 ноября 1833 года Бестужев эмоционально заявлял: «... прочел главу Гюго <...> он великий мыслитель: другие перебивают мысль из его выжимков. Он звезда, *прочие спутники* <...> он звезда-комета, звезда-предтеча» [Бестужев, 1981, с. 511]. Астрономическая проекция библиометафоры помогает Бестужеву выстроить иерархию текстов: роман В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» он определяет яркой звездой, считает произведения французского автора оригинальными, философски насыщенными. Используя метафору «прочих спутников», Бестужев-Марлинский акцентирует внимание на творческой вторичности и меньшей выразительности ряда произведений, предлагая увидеть их как менее значимые в контексте литературного наследия Гюго.

4. Заключение = Conclusions

Подведем итог нашему исследованию. Установлено, что метафорическое употребление слова *спутник* в значении ‘книга’ или ‘писатель, автор

произведения' относится к числу наиболее поздних явлений в отечественной культурной традиции. Ее отсутствие в древнерусской литературе обусловлено свойственным этой эпохе религиозным типом отношения к тексту как к духовной пище и учителю-наставнику, а не попутчику в земной жизни. Невозможно встретить анализируемую нами библиометафору и в начале века Просвещения, поскольку тогда экстенсивный характер чтения способствовал расширению круга чтения и приводил к быстрой замене одного текста другим. Однако именно завершающий период эпохи российского Просвещения стал временем, подготовившим зарождение этой метафорической интерпретации библиофеномена. Книга в этот период начинает сопровождать дворянина во всех сферах жизни: на отдыхе, в путешествии, дома, в саду. Личные библиотеки приобретают особую ценность, а чтение предстает самым популярным времяпрепровождением. Акцентируя семантику насущной необходимости в этом роде занятия, М. Н. Муравьев назовет чтение «спутником спокойствия» [Письма, 1980, с. 329].

Временем появления метафоры «книга — спутник» в России, на наш взгляд, следует считать декабристскую эпоху: в своих мемуарах и письмах декабристы начинают разрабатывать семантический спектр библиометафоры, задавая как положительные, так и отрицательные ее значения, при этом востребованными оказываются как ее земная, так и астрономическая проекция. К примеру, А. Бриген увидел в книге спутника, помогающего преодолеть тяготы нецивилизованной сибирской жизни, назвал книги постоянными спутниками, но не в дороге или странствии, а в затворнической, одинокой судьбе. По мысли Г. Батенькова, ценность временного, но неслучайного текста-спутника в том, что он пробуждает литературные аллюзии: способен придать служебному путешествию по Байкалу поэтически возвышенный характер, стать эстетическим образцом для восприятия пространства.

Если метафоры А. Бригена и Г. Батенькова представляют собой положительный полюс метафорической семантики, то, напротив, троп, предложенный А. Бестужевым-Марлинским, демонстрирует семантику отрицательную: судьба произведений, тиражирующих идеи гения, — быть второразрядными спутниками рядом с оригинальным художественным текстом, текстом-«предтечей».

Процесс порождения метафорических смыслов, начало которому было положено декабристами, затем получил развитие в культурном тексте следующих поколений мастеров слова. Отчасти этот процесс показан в начале нашей статьи, далее дополним и систематизируем наши наблюдения: так, в первые десятилетия XX века Ю. Айхенвальд, словно вторя А. Бестужеву-Марлинскому, называл творения Н. Огарева «*бледным спутником блестящего светила*» («светилом») представало творчество А. Герцена [Айхен-

вальд, 1908, с. 257]. Тот же Ю. Айхенвальд (в духе А. Бригена) определял книги А. С. Пушкина, его личность — «великим и желанным спутником», «божественным спутником» каждого русского человека [Айхенвальд, 1908, с. 53, 170]. Критик полагал, что потомки с мольбой будут обращаться к поэту, прося его остаться постоянным спутником, подающим пример принятия себя и мира.

В отечественном литературном процессе XX века метафорические открытия, совершенные декабристами, востребовались и нюансировались. Новые поколения писателей и литературных критиков настойчиво обращались к библиометафоре «книга — спутник», говоря, например, о круге чтения писателей. Так, Н. Я. Мандельштам, в воспоминаниях о читательских приоритетах мужа, писала: «Последние годы были окрашены Дантом и другими итальянцами и, как всегда, русской поэзией. Труднее сказать, какие книги-спутники были у О. М. в более ранние периоды...» [Мандельштам, 1989, с. 222].

Век XXI становится новым этапом в жизни библиометафоры, поскольку книга в культуре постепенно вытесняется компьютерными технологиями, а читатель сменяется пользователем ПК. Останется ли в историко-литературном процессе метафора «книга — спутник», трансформируется или совсем выйдет из употребления? На этот вопрос нам ответят время и новые исследования.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Литература

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы / С. С. Аверинцев. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. — 480 с. — ISBN 5-352-00743-X.
2. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей / Ю. Айхенвальд. — Москва : Научного слова, 1908. — Выпуск 1. — 371 с.
3. Асоян А. А. Proscholium. Инструментарий и практика анализа литературного произведения / А. А. Асоян. — Омск : ООО «Издательский дом “Наука”», 2006. — 222 с.
4. Батеньков Г. С. Сочинения и письма. Письма (1813—1856) / Г. С. Батеньков. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. — Т. 1. — 528 с.
5. Батюшков К. Н. Сочинения / К. Н. Батюшков. Комментарии Д. Д. Благого. — Москва-Ленинград : Советский писатель, 1964. — 717 с.
6. Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения : в 2 т. Повести ; Рассказы ; Очерки ; Стихотворения ; Статьи ; Письма / А. А. Бестужев-Марлинский / Сост. ; подгот. текста; коммент. В. И. Кулешова. — Москва : Худож. лит, 1981. — Т. 2. — 591 с.
7. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — Москва : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2022. — 1376 с.
8. Брагина А. А. К истории слова спутник / А. А. Брагина // Современная русская лексикология. — Москва : Наука, 1966. — С. 87—93.

9. *Быкова Т. А.* О некоторых чертах оформления книг во времена Петра I / Т. А. Быкова // Книга. Исследования и материалы. — Москва : Книга, 1959. — С. 224—254.
10. *Веселитский В. В.* Антиох Кантемир и развитие русского литературного языка / В. В. Веселитский. — Москва : Наука, 1974. — 71 с.
11. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Москва : Типография Т. Рись, 1866. — Ч. 4. — 712 с.
12. *Житие Авраамия Смоленского* // Библиотека литературы Древней Руси. — Санкт-Петербург : Наука, 1997. — Т. 5 : XIII век. — С. 30—66.
13. *Жуковский В. А.* Стихотворения / В. А. Жуковский. — Ленинград : Сов. писатель, 1956. — 846 с.
14. *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. / В. А. Жуковский ; Ред. О. Б. Лебедевой, А. С. Янушкевича. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — Т. 1. — 760 с.
15. *Кантемир А.* Разговоры о множестве миров / А. Кантемир. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1730. — 194 с.
16. *Кантемир А.* Собрание стихотворений / А. Кантемир. — Ленинград : Сов. писатель, 1956. — 544 с.
17. *Карамзин Н. М.* Деревня / Н. М. Карамзин // Сочинения Карамзина. — Санкт-Петербург : ВЪ типографии Александра Смирдина, 1834. — Т. 7. — С. 104—111.
18. *Карамзин Н. М.* Прогулка / Н. М. Карамзин // Детское чтение. — Москва : ВЪ Университетской Типографии, у Н. Новикова, 1789. — Ч. XVIII. — С. 161—175.
19. *Кочеткова Н. Д.* Герой русского сентиментализма / Н. Д. Кочеткова // XVIII век. — Ленинград : Наука, 1983. — С. 121—142.
20. *Лидин В. Г.* Друзья мои — книги : Заметки книголюба / В. Г. Лидин. — Москва : Искусство, 1962. — 195 с.
21. *Лотман Ю. М.* К проблеме типологии культуры / Ю. М. Лотман // История и типология русской культуры. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2002. — С. 56—63. — ISBN 5-210-01527-0.
22. *Мандельштам Н. Я.* Воспоминания / Н. Я. Мандельштам. — Москва : Книга, 1989. — 479 с.
23. *Набоков В. В.* Русский период. Собр. соч. : в 5 т. / Сост. Н. Артеменко-Толстой. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2006. — Т. 3. — 848 с. — ISBN 5-89091-051-5.
24. *Нартов А. А.* На ученого бомбаста / А. А. Нартов // Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX вв. — Ленинград : Советский писатель, 1975. — С. 94.
25. *Пирогова Е. П.* Реконструкция личных библиотек XVIII века : опыт методического исследования / Е. П. Пирогова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2018. — Т. 18. — № 4. — С. 43—51. — DOI: 10.14529/ssh180406.
26. *Письма русских писателей XVIII в.* — Ленинград : Наука, 1980. — 472 с.
27. *Проданик Н. В.* Метафора «книга-пища» и ее трансформация в творческом и эпистолярном наследии А. С. Пушкина, П. А. Вяземского и В. А. Жуковского / Н. В. Проданик // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 2 (20). — С. 162—166.
28. *Проданик Н. В.* Метафора «книга-пища» в письмах, дневниках и воспоминаниях декабристов : семантические варианты и аксиологическая градация / Н. В. Проданик // Текст. Книга. Книгоиздание. — 2019. — № 19. — С. 62—74. — DOI: 10.17223/23062061/19/5.

29. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. — Ленинград : Наука, 1978. — Т. 5. — 529 с.

30. Пяткин С. Н. О «сластях» и «горьких лекарствах» М. Ю. Лермонтова : опыт «междустрочного» чтения Предисловия к роману «Герой нашего времени» / С. Н. Пяткин, И. В. Кудряшов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. — 2022. — Т. 24. — № 4. — С. 249—266. — DOI: 10.15826/izv2.2022.24.4.076.

31. Слова и поучения Кирилла Туровского // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева и др. — Санкт-Петербург : Наука, 1997. — Т. 4 : XII век. — 687 с.

32. Словарь языка Пушкина : в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. — 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — Москва : Азбуковник, 2000. — Т. 4. С—Я. — 1224 с.

33. Успенский Б. А. Борис и Глеб : Восприятие истории в Древней Руси / Б. А. Успенский. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — 128 с. — ISBN 5-7859-0144-7.

34. Человек читающий. Homo legens. Писатели XX в. О роли книги в жизни человека и общества / Сост. С. И. Бэлза. — Москва : Прогресс, 1990. — 720 с.

Статья поступила в редакцию 04.06.2025,
одобрена после рецензирования 29.10.2025,
подготовлена к публикации 14.11.2025.

References

- A person who reads. Homo legens. Writers of the XX century. About the role of books in human and social life.* (1990). Moscow: Progress Publ. 720 p. (In Russ.).
- Asoyan, A. A. (2006). *Proscholium. Tools and practice of literary work analysis*. Omsk: Nauka Publishing House, LLC. 222 p. (In Russ.).
- Averintsev, S. S. (2004). *Poetics of Early Byzantine literature*. St. Petersburg: ABC Classics. 480 p. ISBN 5-352-00743-H. (In Russ.).
- Batenkov, G. S. (1989). *Essays and letters. Letters (1813—1856), 1*. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House. 528 p. (In Russ.).
- Batyushkov, K. N. (1964). *Essays*. Moscow—Leningrad: Soviet Writer. 717 p. (In Russ.).
- Bestuzhev-Marlinsky, A. A. (1981). *Essays: in 2 volumes. Novellas; Short stories; Essays; Poems; Articles; Letters*, 2. Moscow: Artist. Lit. 591 p. (In Russ.).
- Bragina, A. A. (1966). On the history of the word satellite. In: *Modern Russian lexicology*. Moscow: Nauka Publ. 87—93. (In Russ.).
- Bykova, T. A. (1959). On some features of book design in the time of Peter the Great. In: *Book. Research and materials*. Moscow: The Book. 224—254. (In Russ.).
- Dahl, V. I. (1866). *Explanatory dictionary of the Zhivago Great Russian language*, 4. Moscow: Tipografiya T. Ris. 712 p. (In Russ.).
- Eichenwald, Yu. (1908). *Silhouettes of Russian writers, 1*. Moscow: Nauchno slovo Publ. 371 p. (In Russ.).
- Kantemir, A. (1730). *Conversations about the multitude of worlds*. St. Petersburg: [b. i.]. 194 p. (In Russ.).
- Kantemir, A. (1956). *Collected poems*. Leningrad: Soviet writer. 544 p. (In Russ.).
- Karamzin, N. M. (1789). Walk. In: *Children's reading, XVIII*. Moscow: University Printing House, N. Novikov. 161—175. (In Russ.).
- Karamzin, N. M. (1834). Village. In: *Karamzin's writings*, 7. St. Petersburg: In the printing house of Alexander Smirdin. 104—111. (In Russ.).

- Kochetkova, N. D. (1983). Hero of Russian sentimentalism. In: *XVIII century*. Leningrad: Nauka Publ. 121—142. (In Russ.).
- Letters of Russian writers of the XVIII century*. (1980). Leningrad: Nauka. 472 p. (In Russ.).
- Lidin, V. G. (1962). *My friends — books: Notes of a book lover*. Moscow: Iskusstvo Publ. 195 p. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (ed.). (1997). Words and teachings of Kirill Turovsky. In: *Library of Literature of Ancient Russia*, 4. St. Petersburg: Nauka Publ. 687 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (2002). Towards the problem of cultural typology. In: *History and typology of Russian culture*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb. 56—63. ISBN 5-210-01527-0. (In Russ.).
- Mandelstam, N. Ya. (1989). *Memoirs*. Moscow: Book. 479 p. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2006). *The Russian period. Collected works: in 5 volumes*, 3. St. Petersburg: Symposium. 848 p. ISBN 5-89091-051-5. (In Russ.).
- Nartov, A. A. (1975). On the scientist bombast. In: *Russian epigram of the second half of the XVII — early XX centuries*. Leningrad: Soviet writer. P. 94. (In Russ.).
- Ouspensky, B. A. (2000). *Boris and Gleb: The perception of history in Ancient Russia*. Moscow: Languages of Russian Culture. 128 p. ISBN 5-7859-0144-7. (In Russ.).
- Pirogova, E. P. (2018). Reconstruction of personal libraries of the XVIII century: the experience of methodological research. *Bulletin of SUSU. The series "Social sciences and humanities"*, 18 (4): 43—51. DOI: 10.14529/ssh180406. (In Russ.).
- Prodanik, N. V. (2013). The metaphor "book-food" and its transformation in the creative and epistolary heritage of A. S. Pushkin, P. A. Vyazemsky and V. A. Zhukovsky. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2 (20): 162—166. (In Russ.).
- Prodanik, N. V. (2019). The metaphor "book-food" in letters, diaries and memoirs of the Decembrists: semantic variants and axiological gradation. *Text. Book. Book publishing*, 19: 62—74. DOI: 10.17223/23062061/19/5. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1978). *Complete Collected works: in 10 volumes*, 5. Leningrad: Nauka Publ. 529 p. (In Russ.).
- Pyatkin, S. N., Kudryashov, I. V. (2022). On "sweets" and "bitter medicines" by M. Y. Lermontov: the experience of "line-by-line" reading of the Preface to the novel "Hero of our Time". *Proceedings of the Ural Federal University. Series 2, Humanities*, 24 (4): 249—266. DOI: 10.15826/izv2.2022.24.4.076. (In Russ.).
- The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments*. (2022). Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church. 1376 p. (In Russ.).
- The Life of Abraham Smolensky. (1997). In: *Library of Literature of Ancient Russia*, 5. Saint Petersburg: Nauka Publ. 30—66. (In Russ.).
- Veselitskiy, V. V. (1974). *Antioch Kantemir and the development of the Russian literary language*. Moscow : Nauka Publ. 71 p. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (ed.). (2000). *Dictionary of the Pushkin language: in 4 volumes*, 4. Moscow: Azbukovnik. 1224 p. (In Russ.).
- Zhukovsky, V. A. (1956). *Poems*. Leningrad: Soviet Writer. 846 p. (In Russ.).
- Zhukovsky, V. A. (1999). *Complete collection of works and letters: in 20 volumes*, 1. Moscow: Languages of Russian Culture. 760 p. (In Russ.).

*The article was submitted 04.06.2025;
approved after reviewing 29.10.2025;
accepted for publication 14.11.2025.*